

**ИСТОРИИ ПО ЖИЗНИ
КАК ОПЫТ СКРИПТИЗАЦИИ БЫТИЯ
Онтофания свободы как ответственности,
или Комическая трагедия персонологической систематизации**

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

Глубокая и интимная до мистичности связь слова и бытия давно и хорошо известна. Как писал Ф.И.Тютчев в «Колумбе»:

*...Так связан, ссединен от века
Союзом кровного родства
Разумный гений человека
С творящей силой естества.
Скажи разумное он слово –
И миром новым естество
Всегда откликнуться готово
На голос родственный его...*

А еще раньше было сказано: «Вначале было Слово, Слово было у Бога, и Бог был Слово».

Идея универсального языка, описывающего и выражающего сущее – от Раймонда Луллия и *characteristica universalis* Лейбница до витгенштейновского проекта языка, «прикалывающего» бытие (а потом и сведения сознания, мышления к языку) и хайдеггеровского языка как «дома бытия», позитивистская программа сведения научного знания к «протокольным высказываниям», записям «фактов» – все это не что иное, как попытки выражения, фиксации, онтофании бытия в слове. Об этом же и шпетовская «внутренняя форма слова», оборачивающаяся лентой Мебиуса бытия и сознания. Давно уже отмечен факт общей «озабоченности языком» (Х.-Г. Гадамер) новейшей философии. Озабоченности, приведшей в постмодерне к торжеству «означающих без означаемого», критике логоцентризма, обернувшейся грамматоматризмом и логомахией.

Однако уже в религиозной философии, а затем в феноменологии и герменевтике все более очевидным становилось смещение акцента с двуплоскостного соотношения

слова и сущего, языка и реальности на посредующую роль сознания, порождающего смысловую ткань бытия. Личностный, персонологический характер бытия, невозможность вышелушить не только нормативно-ценностный, культуральный характер осмысленности бытия, но и его принципиально персонологический характер *Dasein*, переживания, выраженного в языке — условие и обстоятельство без которого современный философский разговор о скриптизации бытия уже невозможен.

Более того, скриптизация означает письменную фиксацию. Если то, что написано пером, не вырубишь топором, то что же говорить о печатной публикации?! Опубликованное попадает в библиотечные фонды, библиографические описания, справочники и т.д., на него можно ссылаться, его можно цитировать, к нему, как первоисточнику, может обратиться любой желающий. «Скриптизированное» становится артефактом культуры, выпадает в сухой остаток «культурного слоя», в «культуральное бессмертие».

Социум строится как осмысленное бытие, как порождение, хранение, воспроизводство и трансляция определенных способов жизнеустройства, каковыми является культура. Однако любая культура как способ бытия порождается, сохраняется, воспроизводится только и исключительно в носителях этой культуры. Личность — источник, средство и результат не только смыслообразования. Прав Г. Померанц — бытие, как таковое, коренится в сердце души человеческой.

Определить бытие может только его участник, который непосредственно переживает бытие, осваивая его как собственную судьбу и как собственное время. Согласно М. Хайдеггеру, существование человека — *Dasein* и есть его личностное время, определения которого представлены в переживаниях человеком своей судьбы¹. Эти переживания достаточно типологичны и давно известны в философии как экзистенциалии: забота, решимость, страх, скука и т.д.

Как этот сам себя определяющий человек соотносится с многообразными обстоятельствами мира, своей социальной жизни? Будучи «заброшен в мир» (Ж.-П. Сартр), человек изначально дан вместе с ним: «человек есть человек и его обстоятельства» (Х. Ортега-и-Гассет) . *Dasein* принци-

пиально, изначально — открыто миру. Поэтому, даже если признать экзистенциалистскую идею о том, что человек в своем существовании одинок, то это одиночество во множественности тех обстоятельств, в которых и с которыми этот человек живет.

Тогда — как зафиксировать и выразить этот комплекс переживаний и обстоятельств? Как выявить — явить себе и миру — это, как говорил А.Платонов, — «вещество существования»?

Первым найденным средством такой фиксации стала традиция, дающая человеку укорениться в бытии, вписать его существование в некие рамки, привязать к определенным точкам пространства и времени, придавая, тем самым, смысл его существованию. В конечном счете, такая традиция — ни что иное, как миф — базовый способ осмысления человеком мира, себя, своего места в мире. Эта роль мифа сохраняется до сих пор и реализуется в современной социальной мифологии, все больше предстающей в форме брендов. Современный бренд — не просто имиджево-репутационная составляющая рыночной стоимости марки товара, и даже не только обещание реализации желаемых переживаний. Это всегда фэнтези, волшебная история о магическом артефакте, обладание которым открывает дверь в царство мечты. Но таков, по своей сути любой миф — это всегда некий нарратив, всегда история, рассказ о том, что было, есть и будет на человеческом жизненном пути.

Но... Смысл слова — из фразы, смысл фразы — из текста, смысл текста — из контекста и т.д. Для того, чтобы что-то понять, надо выйти в некий аут. И *absolute Out is God*. В жизни самой по себе смысла нет, но есть проблема смысла жизни. И для того, чтобы найти такой смысл, надо выйти за ее границы, в ее «контекст». Так и для того, чтобы зафиксировать переживания и обстоятельства, человек — имманентный участник собственного взаимодействия с миром — должен выйти из мифологического предания в позицию «вне-находимости» (М.М. Бахтин). Только в этом случае он может обнаружить свое взаимодействие с обстоятельствами, даже больше — обнаружить собственное сознание в его взаимодействии с бытием.

Собственно, этот шаг и был сделан философией. Вся ее история — поиск различных способов описания соотношения сознания и бытия, их взаимных обменов энергиями и тканями. Неизменным был основной способ выражения такого поиска. Это, опять-таки, нарратив, рассказ. И неспроста. Язык — универсальное средство выражения сознания (мысли и чувств), его фиксации и трансляции. Это и имел в виду М. Хайдеггер, называя язык «домом бытия». Люди живут с языком, думают на нем, выражают свое бытие в языке. Язык — стихия, опосредующая не только мое понимание другого, но и мое самовосприятие, стихия, которая есть не просто средство понимания, а само понимание как таковое. Этаким трансцендентальный субъект с человеческим лицом.

Особую роль в этом процессе играет письмо. С открытием письменности фиксация бытия, аккумуляирование осмысленного опыта получила исключительные возможности. С легкой руки К.С. Пигрова эти возможности получили удачное название «скриптизации бытия».

Такая скриптизация может быть в виде паремий: афоризмов наподобие пословиц. может быть более развернутой — до притч, басен, коанов, нарастание сюжетики может доходить до романских форм, а то и сложных спекулятивных конструкций вроде гегелевской или Спинозовской систем. Но во всех случаях такая рефлексия должна давать ответ на все случаи жизни, быть универсальной. Поэтому философская афористика сродни фольклору — может содержать взаимоисключающие максимы («Семь раз отмерь, один раз отрежь», но «Смелость города берет»), а честная философская система, претендующая на универсальность, должна начинать с противоречия, потому как из «А & не-А» следует что угодно.

Однако наибольший интерес представляют попытки первичной скриптизации, фиксация непосредственного персонологического опыта. Реализация такого опыта важна тем, что, помимо решения личностных задач самособирания и самоопределения автора, она расширяет возможное самовосприятие других. Найденные словесные выражения для еще возможно безымянных переживаний «проводят

новые борозды и производят членение потока и таким образом впервые показывают воспринимающим, что же именно те переживают»². Что бы мы знали об искусстве, преемственности отечественной культурной жизни XX века без воспоминаний, дневников, историй З. Гиппиус, Я. Друскина, С. Довлатова...

Сказанное относится не только к миссии искусства. Задача и философского опыта тоже — «не воспроизводить данное... не изобретать нечто в субъективной игре воображения, а вторгаться во вселенную мира и души, делая тем самым возможным созерцание и переживание объективного и сущего»³. Собственно, именно так индивидуальная рефлексия и способна породить обьективированное надындивидуальное знание, что и является задачей любого философского, тем более — персонологического исследования. Недало в отечественной философской культуре такую роль играют опыты доверительного сохранения фактов личностных переживаний Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, В.В. Розанова, М.М. Пришвина, Я. Друскина, Г. Померанца.

И это задача — научная. Потому, что, во-первых, наука — интеллектуально трезвое отношение к радикальной внеинтеллектуальности иного. А во-вторых, только наука пока еще способна удерживать разведение личностного и внеличного горизонта трансценденции и, одновременно, обеспечивать рационально организованную межындивидуальную трансляцию опыта.

В принципе, наверное, возможны две основные стратегии такой первичной скриптизации. Условно их можно назвать «центростремительными» и «центробежными» — в зависимости от общего вектора осмысления. Оба пути — способы самопознания, самоопределения. Однако направленность такого осмысления, с очевидностью, может быть различной. Центростремительная стратегия направлена как бы внутрь, на внутреннее собирание личностью самой себя. Примерами реализации такой стратегии являются дневник⁴, исповедь⁵. Центробежная стратегия направляет осмысление вовне — на распространение личного опыта, выявление в нем инвариантных характеристик. Примером реализации такой стратегии являются мемуары.

Можно также говорить о двух основных жанрах письменности в таких скриптизациях. В случае концентрации на типическом, открывается комичный характер бытия. В случае концентрации на индивидуально-неповторимом — его трагизм. Потому как нет ничего трагичней индивидуальной неповторимости человеческого персонального бытия. Хотя бы в силу его одиночества и принципиальной недоступности во всей его полноте. Поэтому так трагичны исповеди, и так богаты комизмом воспоминания.

Таким образом, самопознание и одновременно — явление его результатов миру, другим могут осуществляться в различных формах. Например, воспоминании о событиях, участником, свидетелем, а то и организатором которых была личность. Это может быть и жанр типа «мои люди» — рассказ о людях, сыгравших существенную, если не решающую роль в жизни автора: родителях, близких, друзьях, любимых, коллегах и т.д. Достаточно своеобразен и такой жанр скриптизации бытия, который условно может быть назван «историями по жизни».

«Истории по жизни» — реальные жизненные истории, которые рассказываются в разных ситуациях, когда люди делятся житейским опытом. Их рассказывают при знакомстве, в купе поезда, в больничной палате, в застолье, при ухаживании, в назидание детям. Они обладают повышенной доверительностью, занимательны и необычны, в них фиксируется и транслируется уникально-личностный опыт.

«По жизни» — разговорное, почти сленговое выражение. Его применяют, когда хотят аргументировать к приземленному обыденному житейскому опыту. «То, что ты говоришь — это по науке, а по жизни получается наоборот». «Я тебе по жизни говорю...». Истории по жизни — это не просто реальные жизненные истории. Эти истории рассказываются в разных ситуациях, но у которых есть что-то глубоко интимно общее в «ситуациях общения», когда люди делятся, наверное, самым интересным и важным — житейским опытом. Ведь это самое интересное и важное — быт и нравы. Вот рассказы в духе Б. Житкова «Что бывало» и «Что бывает» и идут в ход.

Но это не просто байки, историей по жизни является не всякий рассказ и не всякая житейская история. Это не может быть пересказ прочитанного — «Вот я тут в газете прочитал...» или «В одной интересной книжке написано...», или «Как вчера по телевизору показывали...». Такие вещи тоже рассказываются и обязательно, но это не истории по жизни, в которых речь идет о лично пережитом, о том, что было лично с рассказчиком. В крайнем случае — с его близкими или друзьями, т.е. людьми ему лично знакомыми. Иначе говоря, это истории повышенной личностной доверительности автора. Для осмысления форм скриптизации бытия истории по жизни представляют особый интерес тем, что в них соединяются центростремительность с центробежностью: они содержат в себе как элементы воспоминания, так и исповеди.

Кроме того, это истории не обычные, выламывающиеся из обыденного опыта, остранныяющие его. Поэтому такие истории всегда поучительны — в том смысле, что дают новое осмысление привычного, содержат некоторый урок, мораль. И при этом они должны быть занимательны и даже смешны — в них должна быть радость понимания «Вот как оказывается в самом-то деле». Они чем-то напоминают анекдоты — тоже важный компонент общения. Но анекдоты — типовой опыт, смех по их поводу важен для ощущения и переживания «мы» (вместе смеемся над одним и тем же — значит мы вместе). А истории по жизни — уникальный опыт. И, тем не менее, они достигают уровня осмысления и обобщения, близкого к притче. Наверное, это и есть своеобразные притчи, легенды как часть личной культуры. Ведь в каждой культуре есть легенды, притчи, герои. Поэтому истории по жизни можно, в конечном счете, понимать как личное предание, как личную мифологию. Получается своеобразное этнографическое исследование субкультуры, состоящей из одного носителя⁶, и воспроизводство некоей персонологической мифологии «в одном флаконе».

Если суммировать сказанное, то получается, что истории по жизни это рассказы:

— «реальные» — в них описываются реальные жизненные истории, ситуации, события;

— повышенной доверительности — участником и свидетелем описываемого являлся сам рассказчик или человек его близкого круга;

— «не обычные», т.е. содержащие эффект остранения привычного;

— поучительные, содержащие некую мораль для слушателя или читателя;

— занимательные, слегка *fanny* — в них должны выражаться положительная эмоция радости узнавания нового и чувство юмора;

— уникально-личностные — в них фиксируется и транслируется уникально-личностный опыт;

— персонологичные, выражающие личностное предание как часть личной культуры — отсюда и их притчевый жанр.

Истории по жизни — жанр обычно устный. Мною была предпринята, насколько я знаю, первая попытка их систематического описания⁷. На собственном биографическом материале — представить систематизацию тематики историй по жизни.

Как систематизировать такие истории? «Заданной культурной традицией внемысленной позиции мысли, с которой она могла бы тематизировать саму себя как участницу взаимодействий с миром, теперь не существует. Человек должен индивидуально, на свой страх и риск, сконструировать данную позицию, и уж тогда можно принимать решение о том, как выстроить отношение с надындивидуальной ментальностью»⁸. Это предполагает, как минимум, два шага. Во-первых, зафиксировать некие типичные жизненные ситуации — «фреймы» бытия», тематизировать бытие в типичные темы личностного существования. Во-вторых, наполнить эти фреймы конкретными сюжетами конкретного личностного предания. В своем существовании человек одинок, но само это существование происходит во множестве ситуаций и обстоятельств того конкретного мира, в котором человек живет.

Поэтому истории по жизни — своеобразная запись, фиксация этих обстоятельств, но обстоятельств именно вот этого конкретного человека, наполняющих переживание им

своей судьбы и времени, отливающихся в формы экзистенциаллий. Как эти экзистенциальные фреймы «скриптизировать», сохранив их наполнение? Что до меня, то я решил идти чисто описательным путем. Поскольку это мои истории по жизни, они и выстраивались как сюжеты моей жизни. В этом случае, однако, возникала опасность скатиться в жанр простых воспоминаний, в факты личной авторской биографии, которые сами по себе вряд ли будут кому-то интересны, кроме самого автора и его близких.

Поэтому реальная систематизация делалась в те же два этапа, но в обратном порядке. Для начала надо было просто зафиксировать сами истории. Поэтому на первом этапе истории по жизни были записаны в соответствии с хронологией основных этапов жизненного развития автора. Для меня такими кругами жизни, фреймами жизненного опыта стали: семья и детство; учеба в школе, техникуме и вечернем отделении философского факультета питерского университета; места работы; походы и клубы; две созданные мною семьи; строительство дома в деревне и летняя жизнь там. Мне пришлось много разъезжать и часто болеть, видеть «быт и нравы», страдания других людей — это тоже мой жизненный опыт.

На втором этапе — все записанные истории по жизни были раскассированы по выявившимся «большим сюжетам» — общечеловеческим житейским фреймам: роль родителей; человеческие странности и слабости; отношения полов; превратности человеческих судеб (в духе «судьба играет человеком, а человек играет на трубе»); дети; работа и начальники; власть и власти; деньги; необычные истории с животными; болезни, исцеления, смерти и врачи; приключения (неожиданные ситуации и нестандартные решения); казусы при межкультурном общении; языковые курьезы. Но большинство историй не укладывались в какую-то одну только рубрику, а затрагивали ряд жизненных фреймов. Тогда я решил оставить «хронологический» порядок первичного материала — собственно текстов историй, вынеся полученную фреймовую структуру в нечто вроде индекса — предметного указателя, как, собственно, главный результат систематизации.

Поскольку эти истории — не воспоминания, я сознательно уходил от политической истории. Тут-то как раз вспомнить есть что. Но это был бы уже другой жанр. Здесь же речь идет, фактически, об универсалиях, о ситуациях и проблемах, с которыми сталкивается любая личность. Исторический и бытовой фон узнаваемы: это факты конкретной — моей биографии, от них никуда не деться. Но не они главное, и я, как мог, отводил их на задний план, выводя на первый личностные особенности, отношения, жизненные фреймы.

Интересная деталь. По мере записи историй по жизни, обнаружилось примечательное обстоятельство — их количество убывает по мере прохождения сюжетов жизненного пути. Наверное, это подтверждает сказанное об историях по жизни как о фактах-событиях личного жизненного опыта. Разумеется, они в молодости ярче, потому как — «на новенького». С возрастом опыт насыщается. Его уже трудно удивить.

Своеобразие данного жанра скриптизации бытия порождает еще одно непростое, но важнейшее обстоятельство. Фактически исповедальный характер такой систематизации серьезно затрудняет публикацию такого материала. Одно дело истории по жизни в устном исполнении, и совсем другое дело — публикация, когда они превращаются в своеобразный документ, свидетельство. В историях упоминаются реальные люди, узнаваемые. Истории могут оказаться обидными. В чем-то несправедливыми. Поэтому, задумав публикацию, в какой-то момент я уже подумывал снимать некоторые истории, убирать имена, а то и вообще отказаться от публикации. Но потом все-таки решился.

В конце концов, это ведь всего лишь только личный опыт автора, его личные мнения и оценки. Эти истории, в конечном счете, не об их персонажах, а о самом авторе! Это не они такие, а такими их увидел автор, который может «создать как очевидец». Другие («Другой») — очевидный факт человеческого существования. Так же, как сознание — суть интериоризированный, освоенный человеком социальный опыт, а культура — механизм порождения, сохранения и трансляции социального опыта, так и самосознание возни-

кает именно как раскрытия себя во взаимосвязи с другими. «Другой» («Другие») — радикальное Иное нашего индивидуального существования, причем это Иное по самому типу его существования. «Чужая душа — потемки» и «Своих мозгов в чужую голову не вставить» — гласят известные пословицы. Поэтому связь Я и Другого невозможна как непосредственная. Их отношение может реализоваться только как опосредованное культурой, а значит, прежде всего — языком. В этом, как представляется и заключен главный нерв скриптизации бытия, которая оказывается, как уже говорилось, не просто средством понимания, а самим пониманием как таковым. Автор же становится носителем упоминавшегося «трансцендентального лингвистического субъекта» в своем лице, а его индивидуальная рефлексия порождает некое объективизированное самой записью и публикацией историй надындивидуальное знание.

Но тогда получается, что если для автора таких текстов ситуации и их участники открываются преимущественно в их комическом плане, то все несколько иначе выглядит для персонажей таких историй, для их непосредственного бытия как Иного. Действительно, собственно скриптизация историй, «запись того, что было» фиксирует некую «комедию нравов». Знакомясь с такими текстами, фигурирующие в них люди — действительно названные или даже увидевшие себя в какой-то ситуации, воспринимают себя исключительно использованными средствами. И комедия нравов оборачивается личностной трагедией. Истории привязаны не к конкретным людям, а к ситуациям, в которых они, конечно же, раскрылись не полностью, а «вот так». Да еще в чужом восприятии. Но они-то знают о себе правду. И тогда написанное — в качестве надындивидуального знания — есть ложь, клевета, пасквиль. Надо тащить автора в суд, звать городского...

Реакция разных людей на публикацию историй по жизни — тема, наверное, заслуживающая отдельного осмысления. Главное — попытка выстроить отношения с другими с помощью этого средства «скриптизации бытия» встречает зачастую не только непонимание, но и агрессию. А доверительная обращенность к бытию оборачивается трагедией

уже и для автора. Тем не менее, реализация проекта «Истории по жизни» показала, что это действенное средство персонологической обращенности к миру. Книга оказалась «работающим» проектом, который меняет отношения и людей, включая самого автора, для которого открылись некоторые особенности его личности, в том числе и которыми не стоит гордиться. Возникает какая-то новая реальность с более глубоким уровнем отношений и понимания. Несколько неожиданно «Истории по жизни» буквально подтвердили и реализовали главную идею моей предыдущей книги в серии «Тела мысли», которая пророчески называлась «Тело свободы»: онтофания (проявление, осуществление) свободы — ни что иное как воплощенная ответственность⁹. Такое получилось самозамыкание сюжета: «тело мысли» как «тело свободы» явилось для автора острым переживанием полноты ответственности.

Ранее мне уже приходилось обращать внимание на то, что некоей стилистической платформой, на основе которой интегрируются жанры современной массовой литературы, выступает фэнтези¹⁰. Это не случайно. С одной стороны, «фэнтезизация» массовой литературы — неизбежный результат выхода на первый план главного ее качества как продукта массового производства и массового потребления — формирования мифологии современного общества. С другой, — эта интеграция обеспечивает возможности все более тонкой дифференциации и сегментации рынков массовой литературы и не только. Фэнтези обеспечивает возможности формирования супербрендов и их диверсификации в другие сегменты массовой культуры. Сага Толкиена, «Гарри Поттер», Борис Акунин — тому яркие примеры.

Однако, помимо поглощающей тенденции интеграции на единой стилистической платформе, не менее активно проявляется и тенденция дифференциации. Иногда эти процессы приобретают весьма причудливые формы. Буквально на глазах интеграция втягивает в массовую литературу различные опыты скриптизации бытия: исповедальные тексты, воспоминания, дневники и т.д. На книжных салонах последнего времени много говорится о буме биографической литературы. Но уже разворачивается повышен-

ный интерес к литературе автобиографической. Эта тенденция с очевидностью видна в глянцевого журналов, да и массовых изданиях последних лет. Массовый читатель проявляет все нарастающий интерес к реальным переживаниям и доверительно презентуемому личностному опыту.

И ситуация, сложившаяся с «Историями по жизни» служит ярким подтверждением этой тенденции. Книга, содержащая фиксацию сугубо личного опыта, некое личностное предание, выпущенная в научной серии малым тиражом, вызвало острейший отклик и повышенный спрос, вынудивший издателя прибегать к допечаткам. Почему? Думается, что дело не только и не столько в скандале, инициированном некоторым «обиженным» персонажем «историй», сколько в самом жанре, стилистике текста, представляющем собой некое персонологическое фэнтези, рубрикованное по типичным ситуациям (фреймам) обыденного жизненного опыта. Причем сам нарратив выполнен в стилистике обыденного дискурса.

В этом плане можно говорить именно о действии двойной тенденции: жанрово-стилистической интеграции массовой литературы при одновременной дифференциации в рамках этого единого жанра, доходящей до персонологического доверительно-интимного опыта. Речь идет о проявлении более общей тенденции формирования интегрального глобального культурно-информационного пространства в сочетании с его дифференциацией. И в условиях массового общества такая сегментация и дифференциация могут только нарастать и углубляться. Потому как только уникальное глобально. А что может быть уникальней и неповторимей человеческой личности?!

Примечания

¹ Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С. 200 – 212.

² Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному. М., 1997. С.408.

³ Там же. С. 409.

⁴ Пигров К.С. Забота о своей духовности, или техника скриптизации индивидуальной жизни / Vita Cogitans: Альманах молодых философов. Вып. 4. СПб., 2004. С. 76 – 83.

⁵ Иповедальные тексты культуры: Материалы межд. конференции / Под ред. М.С. Уварова. СПб., 2007.

- ⁶ Именно как «сборник материалов по антропологии, психологии, социологии, как социолингвистический или фольклористский источник, наконец, просто «человеческий документ»» — и был квалифицирован жанр этой публикации библиографами (см. Форма сообщения // Книжное обозрение. 2007, № 33 — 34 (2147 — 2148). С. 12).
- ⁷ *Тульчинский Г.Л.* Истории по жизни. Опыт персонологической систематизации. СПб., 2007. Книга вышла в серии «Тела мысли» (см. также: *Тульчинский Г.Л.* Опыт систематической персонологии: «истории по жизни» как исповедальный жанр // Исповедальные тексты культуры. СПб., 2007. С. 71 — 75).
- ⁸ *Румянцев О.* Конец трагического бытия // Катарсис: метаморфозы трагического сознания. СПб., 2007. С. 134.
- ⁹ *Тульчинский Г.Л.* Тело свободы. СПб., 2006.
- ¹⁰ *Тульчинский Г.Л.* Массовая литература в современном обществе: эволюция жанров — к персонологичному фэнтези // Феномен массовой литературы в современной России. СПб., 2008. С. 17 — 26.